

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.А. Ядова.</i> Социальные практики и повседневная жизнь в фокусе социологии: Предисловие	8
---	---

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

<i>Я.В. Евсеева, М.А. Ядова, Е.В. Якимова.</i> Жизненные траектории личности в XXI в.: Особенности выбора	12
<i>А.Ю. Долгов.</i> Труд и трудовые отношения в современной России: Культурные особенности, гендерные и социально-экономические аспекты. (Обзор).....	24
<i>М.А. Ядова.</i> Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи.....	37
<i>Е.В. Якимова.</i> Городское пространство как субъект социальных практик и объект личностного восприятия. (Обзор)	52
<i>Ю.В. Никуличев.</i> Уличная преступность: От криминологических характеристик к социологическому пониманию	61
<i>Е.В. Якимова.</i> Социологические аспекты здорового образа жизни: Современные российские реалии. (Обзор)	69

РЕФЕРАТЫ

<i>Танггаард Л.</i> Креативные пути повседневности	82
<i>Боттеро В.</i> Занятия семейной историей: Идентичность как категория социальной практики	89
<i>Фитт Х.</i> Насколько важны социальные смыслы: Их роль и влияние в сфере повседневных транспортных практик	96
<i>Харрис Т., Ретти Р.</i> Ходьба как социальная практика: Дисперсная прогулка и организация повседневных практик	102
За гранью рынка: Новые практики снабжения во времена кризиса (на примере АПК «Сельское хозяйство при общественной поддержке») / Блэттель-Минк Б., Бодденберг М., Гункель Л., Шмиц С., Вэссен Ф.	107
<i>Таррьус А., Мисауи Л., Каша Ф.</i> Трансмигранты и новые иностранцы	114
<i>Слива М., Тэйлор Б.</i> Все сводится к деньгам? Миграция и траектории трудовой деятельности в (пост)социалистическом контексте	135
<i>Гоастеллек Г.</i> Международная мобильность как особенность академической карьеры и научного рынка труда в Европе	143
<i>Смит Л.</i> Дезорганизованная семья: Институты, практики и нормативность	148
<i>Марсъяль А.</i> Современное отцовство и новые семейные траектории	154
<i>Оргад Ш.</i> Жестокий оптимизм «хорошей жены»: Безумная гонка фантастической работающей матери	163
<i>Далессандро К., Уилкинс Э.</i> «Ослепленные любовью»: Женщины, мужчины и возраст зрелости в историях об отношениях	171
<i>Хоббс М., Оуэн С., Гербер Л.</i> Текучая любовь? Мобильные приложения для знакомств, секс, отношения и цифровая трансформация сферы интимного	179
<i>Лукас М.</i> Устойчивое потребление и «простые» жизненные стили: Какие перспективы проявляются в повседневной жизни?	186

<i>Мандемакерс Й., Рутерс А.</i> Фастфуд или слоуфуд? Сколько времени люди тратят на еду: Объясняя тренды в Нидерландах в 1975–2005 гг.	192
<i>Ширмер Б.</i> Хипстеры позднего модерна: Новые тенденции в поп-культуре	199
<i>Паскье Д.</i> Театральные зрители: Обучение социальной роли	207
<i>Мортимер Дж.Т.</i> Проект лонгитюдных исследований молодежи в рамках социальной психологии жизненных траекторий.	212
<i>Толонен Т.</i> Молодежные культуры, жизненные стили и социальный класс в контексте финского общества	220
<i>Хоки Д.</i> Автобиографии «пожизненных преступников» в зеркале нарративной теории: Опыт анализа	228
<i>И.Р. Медведев.</i> Право на город: Разрешение городских конфликтов.	238
Сведения об авторах	241

CONTENTS

<i>M.A. Yadova. Social practices and everyday life in the focus of sociology: Introduction</i>	8
--	---

ARTICLES AND REVIEWS

<i>Ya.V. Evseeva, M.A. Yadova, E.V. Yakimova. Life trajectories of personality in the 21st century: Peculiarities of choice</i>	12
<i>A.Yu. Dolgov. Labour and labour relations in contemporary Russia: Cultural characteristics, gender and socio-economic aspects. (Review)</i>	24
<i>M.A. Yadova. Educational and professional strategies of post-Soviet youth</i>	37
<i>E.V. Yakimova. Urban space as a subject of social practices and an object of individual perception. (Review)</i>	52
<i>Yu.V. Nikulichev. Street crime: From criminological characteristics to sociological understanding</i>	61
<i>E.V. Yakimova. Sociological aspects of a healthy lifestyle: Modern Russian reality. (Review)</i>	69

SUMMARIES

<i>Tanggaard L. The creative pathways of everyday life</i>	82
<i>Bottero W. Practising family history: «Identity» as a category of social practice</i>	89

<i>Fitt H.</i> Do social meanings matter? How and how much social meanings influence everyday transport practices?	96
<i>Harries T., Rettie R.</i> Walking as a social practice: Dispersed walking and the organisation of everyday practices	102
Beyond the market: New practices of supply in times of crisis: The example community-supported agriculture / Blättel-Mink B., Boddenberg M., Gunkel L., Schmitz S., Vaessen F.....	107
<i>Tarrius A., Missaoui L., Qacha F.</i> Transmigrants and new foreigners	114
<i>Śliwa M., Taylor B.</i> Everything comes down to money? Migration and working life trajectories in a (post-)socialist context	135
<i>Goastellec G.</i> International mobility: A quality of careers and academic markets in Europe?	143
<i>Smyth L.</i> The disorganized family: Institutions, practices and normativity	148
<i>Martial A.</i> Contemporary fatherhood and new family trajectories ..	154
<i>Orgad Sh.</i> The cruel optimism of «The good wife»: The fantastic working mother on the fantastical treadmill.....	163
<i>Dalessandro C., Wilkins A.</i> Blinded by love: Women, men and gendered age in relationship stories	171
<i>Hobbs M., Owen S., Gerber L.</i> Liquid love? Dating apps, sex, relationships and the digital transformation of intimacy.....	179
<i>Lukas M.</i> Sustainable consumption and simplified lifestyles: What perspectives manifest themselves in everyday life?	186
<i>Mandemakers J., Roeters A.</i> Fast or slow food? Explaining trends in food-related time in the Netherlands, 1975–2005	192
<i>Schiermer B.</i> Late-modern hipsters: New tendencies in popular culture	199
<i>Pasquier D.</i> The theater spectator: Learning a social role	207
<i>Mortimer J.T.</i> The evolution, contributions and prospects of youth development study: An investigation in life-course social psychology.....	212
<i>Tolonen T.</i> Youth cultures, lifestyles and social class in Finnish contexts	220
<i>Hockey D.</i> Narrative theory applied to the autobiographies of three life-course offenders	228
<i>Medvedev I.R.</i> Right to the city: Resolution of urban conflicts	238
About the authors	241

М.А. Ядова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИИ**

Предисловие

Ключевые слова: социальные практики; социальное поведение; социальное действие; повседневная жизнь; социология повседневности.

M.A. Yadova

**SOCIAL PRACTICES AND EVERYDAY LIFE
IN THE FOCUS OF SOCIOLOGY**

Introduction

Keywords: social practices; social behaviour; social action; everyday life; sociology of everyday life.

Одно из центральных мест в социологии занимает понятие «социальное поведение», под которым принято понимать «поведение человека, которое формируется, развивается и проявляется в условиях общественной жизни, а поэтому носит социально обусловленный характер» [Социология, 2003, с. 737]. Большое внимание изучению социального поведения уделено в теории действия М. Вебера. В отличие от Э. Дюркгейма, считавшего элементарной единицей социологического анализа социальный факт, М. Вебер в качестве таковой рассматривает социальное действие, основными признаками которого являются мотивированность и сознательная ориентированность на поведение других [Вебер, 1996, с. 455].

Напомним, что ведущими типами социальных действий, по мнению М. Вебера, являются [там же, с. 478–479]:

– целерациональные действия, предполагающие сознательный выбор как целей, так и средств для их достижения;

– ценностно-рациональные действия, «основанные на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер, 1996, с. 478];

– аффективные действия, обусловленные вспышками эмоций и находящиеся «за пределами осмысленности» [там же, с. 479];

– традиционные – малоосмысленные действия, основанные на длительной привычке.

Категории «социальное поведение» и «социальное действие» напрямую приближают нас к понятию социальных практик. По мнению французского социолога П. Бурдьё, практики – это и целенаправленные действия индивидов по преобразованию социального мира, и повседневные, привычные поступки, зачастую представляющиеся внешнему наблюдателю лишенными смысла [Бурдьё, 1994]. В то же время для Э. Гидденса социальные практики не отличаются от социальных действий [Гидденс, 1993]. Важно отметить, что социальные практики не существуют сами по себе, а помещены в определенный социальный контекст.

Также представляется интересной концепция фоновых практик, разработанная отечественным социологом В.В. Волковым с опорой на идеи философа Л. Витгенштейна [Волков, 1997]. Под фоновыми практиками понимаются «систематически совершаемые социальные действия, которые становятся своего рода неформальным образцом, нормой социального поведения» [Глоссарий..., 2005].

По словам В.В. Волкова, изначально одинаковые институты меняют свое содержание под воздействием принятых местных практик [Волков, 1997, с. 17], что, например, можно наблюдать в современной России, когда демократические, правовые институты модифицируются в собственную противоположность (применение «грязных» избирательных технологий, вымогательство со стороны правоохранительных органов и т.п.).

Существуют три способа изменения практик: артикуляция, реконфигурация и заимствование [там же, с. 17–18]. Артикуляция связана с нормативным выражением и распространением определенного способа действия или стиля поведения. Реконфигурация возникает тогда, когда практика (или аспект практики) превращается из побочной, маргинальной в центральную. В случае переноса практики из одной сферы в другие говорят о заимствовании.

Практики как социальный феномен находятся прежде всего в центре внимания социологии повседневности. Тема повседневной жизни долгое время игнорировалась социальными исследователями как вненаучная и малозначимая. Первыми, кто увидел в рутине обыденности явление, достойное внимания ученых, стали основоположники этнометодологического и феноменологического подходов (Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, И. Гофман, А. Щюц, позднее – П. Бергер и Т. Лукман). Вместе с тем сегодня социологи заговорили о наметившемся в социальных науках новом парадигмальном повороте, связанном с возрождением исследовательского интереса к проблемам повседневности. Причина этого – все более усложняющаяся социальная реальность, в условиях которой приходится существовать современному человеку. Например, З. Бауман предлагает считать постмодернистскую социологию всего лишь комментарием к повседневности, в то время как П. Штомпка вводит в научный обиход понятие третьей социологии, для которой наиболее перспективной исследовательской площадкой должна стать повседневная жизнь «как арена, где социальное существование наилучшим образом проявляет себя» [Штомпка, 2009, с. 9]. По мнению последнего, фиксируя и анализируя тривиальные явления, «третья социология» социального существования – после первой социологии систем и второй социологии действия – способствует пониманию многих «загадок человеческого общества» [там же, с. 3].

Необходимо отметить условность и неоднозначность термина «повседневность»: каждая научная дисциплина, изучая те или иные стороны повседневной действительности, вносит в осмысление данной категории нечто свое. Этнографов, как правило, интересует быт как одна из форм частной и социальной жизни, для историка изучение повседневных реалий невозможно без анализа того социального фона, который окружает бытовую среду. Культурологи стремятся проанализировать феномен повседневности в целом, выделяя его сущность, формы, структурно-пространственные и другие характеристики. В свою очередь, предметом интереса социологов повседневности становятся рутинизированные практики и паттерны социального взаимодействия, образ жизни отдельных индивидов и социальных групп [Малова, 2007].

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены статьи, обзоры и рефераты сотрудников отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН и внештатных авторов, посвященные, казалось бы, малоинтересным и рутинным социальным практикам, без которых на самом деле невозможно стабильное функциониро-

вание общества. Во многих работах новые повседневные практики рассматриваются как ответ на существующие вызовы времени. Нам также показалось важным включить в настоящий сборник тексты об образе / стилях жизни, особенностях индивидуальных маршрутов жизненного пути представителей разных возрастных и социальных групп.

Исследования повседневных практик тесно вплетены в канву социальной реальности: локальные трансформации привычных человеческих действий, зарождение новых практик и отмирание устаревших неизменно влекут за собой изменения в «большом» мире. Таким образом, интерес к этой теме со стороны ученых может дать достаточно полную и объективную информацию о динамике развития общества в целом.

Сегодня, в условиях стремительно меняющегося и усложняющегося мира, важно понимать, что наполняет нашу жизнь смыслом и делает ее лучше. Во многом это результат слаженной работы структур рутинизированной повседневности, среди которых не последнее место занимают социальные практики. Ничто не может остановить движение времени, наполненное «трудами и днями» обыденной жизни: «надо жить» (вспомним чеховских героев) – и человечество живет.

Список литературы

- Бурдые П.* Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
- Вебер М.* Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд. Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 455–491.
- Волков В.В.* О концепции практик (и) в социальных науках // Социологические исследования. – М., 1997. – № 6. – С. 9–23.
- Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем: Альманах. – М., 1993. – Т. 1., вып. 1. – С. 57–82.
- Глоссарий: Фоновые практики // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – С. 582.
- Малова Е.Ю.* Повседневность: Сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Современные наукоемкие технологии. – М., 2007. – № 7. – С. 68–71.
- Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
- Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь: Новый поворот в социологии // Социологические исследования. – М., 2009. – № 8. – С. 3–13.

Я.В. Евсева, М.А. Ядова, Е.В. Якимова

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЛИЧНОСТИ В XXI в.: ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА

Аннотация. В статье анализируются особенности жизненных траекторий представителей разных поколений в России и зарубежных странах. Показано, как социальные трансформации меняют повседневные практики и стратегии конструирования жизненного пути.

Ключевые слова: жизненные траектории; повседневные практики; молодость; средний возраст; пожилой возраст.

Ya.V. Evseeva, M.A. Yadova, E.V. Yakimova

LIFE TRAJECTORIES OF PERSONALITY IN THE 21ST CENTURY: PECULIARITIES OF CHOICE

Abstract. The article analyses peculiarities of the life trajectories of representatives of different generations in Russia and in foreign countries. It demonstrates how social transformations change everyday practices and strategies for constructing life paths.

Keywords: life trajectories; everyday practices; youth; adulthood; old age.

Тему траекторий жизненного пути личности с уверенностью можно отнести к междисциплинарным. В социологии интересу к данной проблеме способствовала ставшая впоследствии знаменитой работа американских социологов У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920), сумевших практически на основе воспоминаний одного человека, эмигранта Владека Висневского, провести монументальное исследование [Thomas, Znaniecki, 1918–1920].

Несмотря на то что многие отечественные ученые (Д.Л. Константиновский, Ю.М. Резник, Е.Ю. Рождественская, Э.А. Саар,

В.В. Семенова, М.Х. Титма, Ф.Р. Филиппов, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин и др.) внесли существенный вклад в изучение жизненных траекторий и усовершенствование биографического метода, все же в нашей стране эта тема не получила полноценного развития. По свидетельству И.С. Кона, советские социологи фокусировались преимущественно на результатах эмпирических исследований, не стремясь выйти на уровень более глубоких обобщений, а понятие жизненного пути одинаково отсутствовало в словарях по философии, психологии и демографии [Кон, 1999, с. 255–256]. В современных социологических словарях и энциклопедиях также непросто обнаружить статьи по данной проблеме.

Между тем «в западной социологии уже можно говорить о сложившейся парадигме жизненного пути» [Ежов, 2005, с. 22]. О.Н. Ежов, ссылаясь на работы Г. Элдера, отмечает, что эта парадигма получила признание в результате сформировавшегося в научной среде понимания «жизни как единого процесса, объединяющего личность и ее социальную траекторию в изменяющемся обществе» [там же]. Среди исследований жизненных траекторий, выполненных зарубежными авторами, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы Ж.-П. Альмодаvara, Д. Берто, Х.-П. Блоссфельда, М. Бургос, П. Бурдые, М. Коли, К.У. Майера, П. Томпсона, И. Хьюинка, Г. Элдера и др.

Отметим, что в современной социологии не существует единого определения понятия жизненных траекторий. Впервые термин «траектория» в социологическом смысле был употреблен П. Бурдые, понимавшим под ним серию хронологически расположенных позиций, которые человек занимает в течение жизни, «играя» на различных социальных полях. Причем он различал индивидуальные и коллективные, т.е. присущие определенным социальным слоям или классам траектории. Выбор агентом собственной социальной траектории зависит от объема и структуры социального капитала, находящегося в его распоряжении; ресурс, которым наделен тот или иной субъект действия, влияет на то, насколько успешно складывается его движение в социальном пространстве [Бурдые, 1998]. С точки зрения Бурдые, траектория – более узкое понятие, чем биография. Если биографию можно рассматривать как некую «объективную» последовательность событий, то траектория имеет ту – цельную и осмысленную – форму, в которую ее облакает рассказчик [Бурдые, 2002, с. 75–77].

Немецкие социологи Х.-П. Блоссфельд и И. Хьюинк предлагают рассматривать жизненный путь как многомерный процесс,

протекающий в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах. Поэтому можно говорить об образовательной, трудовой, семейной и других траекториях жизни отдельного человека. По мнению исследователей, на жизненный путь человека влияют следующие факторы [Блоссфельд, Хьюнинк, 2006, с. 18]:

- жизненные пути других людей, с которыми человек состоит в более или менее тесных отношениях интеракции: родителей, партнеров, детей, друзей и т.д.;

- общественные институты и организации (промежуточные инстанции, государственные учреждения, трудовые организации);

- условия жизни в социальных и региональных контекстах, в которых протекает жизнь индивида или которые чередуются во времени;

- сложившиеся и изменяющиеся общественные структуры и исторические события, которые представляют собой социоструктурные, политические, правовые, культурные и экономические условия организации жизни.

Отталкиваясь от понятия «социализационная норма» как результата успешной социализации, отечественный социолог А.И. Ковалева вводит новую (схожую, но не тождественную термину «жизненная траектория») категорию «социализационная траектория», которую она определяет как временную динамику результативности социализации индивида, включающую адаптацию к социальным нормам и их интернализацию [Ковалева, 2003, с. 114]. По замыслу исследовательницы, механизм социализационной траектории отражает поступательное движение, в результате которого личность последовательно и планомерно осваивает социальные практики.

В XXI в. особую актуальность приобретает вопрос индивидуализации образа жизни и открытости выбора жизненного пути. По мнению ученых, современное общество, не предлагая индивидам готовых социальных сценариев, вынуждает их «создавать свои собственные биографии и идентичности» [Кузьминых, 2008, с. 37]. Эта проблема затрагивает разновозрастные когорты, а не одну молодежь, только приступающую к «строительству» собственной жизни. В настоящей статье кратко рассмотрим социальные процессы, которые детерминируют выбор представителями разных поколений той или иной вариации жизненного маршрута.

Стремительно меняющиеся социальные реалии и усиление процессов «хаотизации» в эпоху постмодерна позволяют говорить об особых тенденциях взросления. Как правило, в социологиче-

ской литературе в числе основных факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, выделяют следующие: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненных «сценариев», определенная цикличность происходящих в жизни индивида событий [Bauman, 1992; Beck, 1992; Castells, 2012].

Для человека позднего модерна молодость, по сравнению с другими периодами жизни, становится судьбоносным биографическим этапом, который в значительной мере определяет последующий жизненный путь. Из-за характерных для современных обществ длительного периода обучения, экономической нестабильности молодые люди откладывают на более поздний срок момент начала профессиональной деятельности, создание семьи и рождение детей. Нередко обретение молодежью финансовой и жилищной самостоятельности растягивается на долгие годы. Нелинейный характер жизни приводит к нарушениям в очередности этапов, свойственных традиционной модели взросления: получение образования – работа – достижение материальной независимости – создание семьи. Зачастую юноши и девушки совмещают или чередуют учебу и работу; иногда повзрослевший сын или дочь возвращается в отчий дом после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, будучи экономически зависимым от старших родственников. Тенденция цикличности подразумевает повторение событий, уже имевших место в жизни молодого человека (например, неоднократные «возвращения» в студенческий статус, периодические изменения – не всегда официальные – семейного положения) [Serracant, 2015].

Ряд исследователей считает, что паттерны взросления зависят не только от социально-культурных особенностей и традиций той или иной страны, но и от свойственных государствам режимов социального обеспечения [Globalization, uncertainty..., 2005; Esping-Andersen, 2015; Serracant, 2015; Walther, 2006].

Так, в Северной Европе с ее мощной системой социальной защиты населения поощряется длительный поиск себя. Молодые жители континентальной Европы с юности нацелены на получение достойного образования и стабильную карьеру: их жизненные траектории достаточно линейны и предсказуемы. В либеральных англосаксонских странах юноши и девушки ориентированы на интенсивную трудовую деятельность, что предполагает раннее отделение от родителей. Вместе с тем в страдающих от безработицы и слабости социальной политики государствах Южной Европы

молодежь очень долго нуждается в поддержке родителей, с трудом накапливая необходимые для самостоятельной жизни ресурсы [Serracant, 2015, p. 41–42].

Примечательно, что, по результатам исследований отечественных социологов, процесс взросления российской молодежи обнаруживает схожие тенденции. Начиная с 1990-х годов фиксируется «существенное обновление общей траекторной картины процесса социализации молодежи» [Ковалева, 2003, с. 115]. Для жизненных траекторий молодых россиян характерны «преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы социализации... для которой рассогласовываются пути, сроки и способы становления» [там же].

Помимо этого, свойственная современному миру ориентация на «вечную молодость» формирует особый – инфантильный – поведенческий этос. Например, еще в 2003 г. Национальная академия наук США предложила считать 30-летний возраст временем окончания подросткового периода в жизни среднестатистического человека [Danesi, 2003]. Следствием дестандартизации «биографических маршрутов» современного человека становится феномен кидалтизма (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый): кидалтами принято называть взрослых, сохраняющих детские увлечения. Гибкие условия постмодернистского бытия больше не требуют от индивида «маркировать» свою жизнь «положенными» атрибутами «взрослого» статуса.

Что касается влияния текущих социальных трендов на представителей среднего возраста, то западные социологи признают отсутствие или как минимум проблемность категории среднего возраста в современной социологии [Pilcher, 2012]. По их наблюдениям, среднему возрасту исследователи не уделяют достаточно внимания. Предпочитают писать о социологии труда / работы, досуга, семейных отношений, сексуальности и пр., т.е. негласно принимаемых аспектах среднего возраста. Социологов-ювентологов может интересовать вхождение в него, граница между молодостью и зрелостью, но не средний возраст как таковой. Когда в социальной геронтологии был выделен третий возраст [Laslett, 1987], на него была перенесена часть значений среднего возраста, и в фокусе исследований была верхняя граница среднего возраста, выход из него. Средний возраст тем самым остается базовой категорией, относительно которой отсчитываются молодость и пожилой возраст, но сам этот возраст не проблематизируют.

Отечественные исследователи [см., например: Солодников, Солодникова, 2009] по традиции определяют границы среднего возраста как 40–60 лет и связывают его прежде всего с профессиональной самореализацией. Эмпирические исследования позволяют выявить, как сами респонденты ощущают границу между молодостью и средним возрастом. Чаще всего в их представлении средний возраст / зрелость начинается тогда, когда субъективно заканчивается молодость. Многие уже не чувствуют себя молодыми, когда занимают руководящие, ответственные посты; когда заканчивают школу, поступают в вуз, женятся и рожают первенца (либо формально достигают 18-летия) их дети (т.е. у их детей заканчивается детство и они сами становятся молодыми людьми). Если же человек не вступил в брак, не родил детей, занят творчеством и / или фрилансом, учится, путешествует, не ощущает, что несет ответственность за что-либо и кого-либо, кроме себя самого, молодость у него может продолжаться. Таким образом возраст кидалта вполне можно продлить и за пределы 40 лет, если в жизни человека с переходом этой границы ничего существенно не поменялось. В нашей стране все еще распространены более консервативные представления о среднем возрасте и возрастах вообще (что часто связано с формальными рамками, такими как правовое совершеннолетие и выход на пенсию), хотя и у нас в настоящее время происходят изменения, в частности в плане феномена кидалтизма. У россиян есть идея некоего среднего возраста; все слышаны о «кризисе среднего возраста». При этом этот средний возраст у нас подчас оказывается чрезвычайно сжат по времени. Субъективно вступая в средний возраст, человек уже задумывается о том, что его ждет дальше (в не столь отдаленном будущем) – окончание трудовой деятельности, ухудшение здоровья. Иными словами, в обыденном сознании по-прежнему по большому счету есть «молодость» и «старость». Что не молодость, то уже старость или по крайней мере ее приближение.

Таким образом, можно говорить о тенденции расширения границ среднего возраста и «захвата» им как молодости, так и старости. Нередко ровесники, чей возраст условно относится к среднему, демонстрируют противоположные мировоззренческие и поведенческие позиции: один «еще молод» (устремлен в будущее и открыт новому: осваивает новую профессию, вступает в отношения, активно путешествует и пр.), другой же считает себя «пожилым» для обретения новых знаний, создания семьи, развлечений и т.п. Впрочем, динамично меняющийся социум, ожидая от своих

членов социальной активности, непрекращающегося профессионального и личного развития, одобряет и стимулирует скорее установки первых, нежели вторых.

В настоящее время население всего мира интенсивно стареет. По данным ООН, к 2050 г. число людей старше 60 лет увеличится в 2 раза по сравнению с нынешними показателями и превысит 2 млрд человек [Ageing]. Пожилые люди становятся все более заметной группой, которую не могут игнорировать ни широкая общественность, ни политики, ни бизнесмены, ни ученые и специалисты. С середины XX в. в развитых странах по мере развития пенсионной системы и улучшения здоровья пожилого населения развивается рынок товаров и услуг для людей старшего возраста, возникают ориентированные на них досуговые и образовательные центры и клубы, появляются поселки для пенсионеров (с компактным проживанием людей этого возраста). На рубеже 1940–1950-х годов из интереса к социальным аспектам старения родилась социальная геронтология (до этого геронтология изучала прежде всего биологические и медицинские аспекты старения). В конце 1940-х – начале 1960-х годов сформировались ведущие социogerонтологические теории: теория активности Р. Хэвигхёрста, Р. Каван и др. [Personal adjustment... 1949] (для поддержания общественного баланса индивиды должны следовать привычному уровню активности и заменять утраченные связи новыми, т.е., например, выйдя на пенсию, нужно найти работу на неполный день, заняться волонтерством, посвятить себя внукам и пр.) и теория разобщения Э. Камминг и У. Генри [Cumming, Henry, 1961] (наиболее «естественный» сценарий – постепенный исход индивидов из общества). В начале 1960-х годов Р. Хэвигхёрст сформулировал концепцию успешного старения [Navighurst, 1961], согласно которой индивид стареет успешно, если удовлетворен своей жизнью, будь он активен или нет. На рубеже 1980–1990-х годов, с дальнейшим ростом средней продолжительности и улучшением качества жизни, с одной стороны, и усилением неолиберальных тенденций – с другой, была вновь поднята на щит после бурных 1960-х и 1970-х годов и закрепилась в общественном сознании, социальных науках и сферах, ориентированных на работу с пожилыми, модель здорового, продуктивного (длительная трудовая занятость), активного (труд и социальная вовлеченность) и в целом успешного старения. Популяризации идей активного старения в рамках своей деятельности значительно способствовала ВОЗ. В 1987 г. П. Ласлетт предложил разделить пожилой возраст на

третий возраст (молодые пожилые, приблизительно до 75) и четвертый возраст (старые пожилые, старше 75) [Laslett, 1987]. Тем самым третий возраст становился временем реализации планов, которые раньше невозможно было воплотить из-за плотного рабочего графика – забота о своем здоровье и спорт, путешествия, самосовершенствование, духовные практики, продолжение образования (формального или неформального), освоение новой деятельности (новая профессия, превращение хобби в источник дохода и пр.) Все же значения, традиционно ассоциируемые со старостью, – физическое увядание, социальная изоляция и одиночество – теперь отодвигались на четвертый возраст (и впоследствии отдвигались все дальше). Важным аспектом третьего возраста стало так называемое образование в течение всей жизни, поддерживаемое развивающимися образовательной геронтологией и геррагогией. В современном мире, в странах современной культуры траектория «учеба – работа – пенсия» уже не носит столь обязательный жесткий характер, так что образование может продолжаться и за пределами школьных и университетских курсов. По всему миру открываются университеты третьего возраста.

Данные тренды нашли свое отражение в работах Дж. Роу и Р. Кана, именовавших себя представителями «новой геронтологии», позитивной, ставящей во главу угла не медицинские и социальные проблемы пожилых людей, а их расширяющиеся возможности [Rowe, Kahn, 1987; Rowe, 1997]. Они восприняли термин Р. Хэвигхёрста и переосмыслили его в новом ключе. В их представлении успешное старение, в отличие от «обычного», включает в себя хорошее физическое и интеллектуальное здоровье, а также высокий уровень социальной активности. Притом что некоторые исследователи старались высчитывать показатели успешного старения, базируясь на трех категориях Роу и Кана, многие другие в силу собственных представлений и под влиянием общения с респондентами вышли далеко за пределы этой модели. Теперь успешное старение простирается от сбалансированного образа жизни, независимости и оптимальных жизненных условий до духовности и принятия смерти. По А. Уокеру, физическая и социальная активность должна соответствовать желаниям и возможностям пожилых людей [Walker, 2002]. При этом и люди с инвалидностью могут стареть успешно, если они достаточно активны для своих ограниченных физических возможностей (К. Будини [Boudiny, 2013]). М. Флад определяет успешное старение как способность адаптироваться к изменениям, сохраняя свою идентич-

ность и смысл жизни [Flood, 2006]. В.Л. Маккарти и А. Боквег полагают, что современный взгляд на успешное старение (который они именуют «холистическим») должен основываться на всех основных социогеронтологических и психогеронтологических теориях [McCarthy, Bockweg, 2013] – от теории активности (здесь они делают акцент на солидарности и альтруизме) и теории разобщения (ценность рефлексии) до теории непрерывности (установка на единство эго и принятие себя) и теорий развития, в которых пожилой возраст видится качественно новым жизненным этапом, характеризующимся трансценденцией, т.е. выходом на иной личностный уровень, реализацией жизненного потенциала индивида, избирательностью в связях и занятиях, преодолением зависимости от чужого мнения и достижительного образа жизни, избавлением от страхов, в том числе страха смерти; в социогеронтологической области Л. Торнстам разработал концепцию «геротрансценденции» [Tornstam, 2005]. Критика же успешного старения состоит в том, что (помимо излишней широты определения) оно, как бы то ни было, игнорирует тех, кто не может и / или не желает стариться «успешно». По словам С. Катца и Т. Каласанти, женщины (в отличие от мужчин), представители различных меньшинств и пр. обладают меньшими ресурсами для успешного старения [Katz, Calasanti, 2015]. В связи с этим ряд исследователей призывают отказаться от концепций успешного старения в пользу иных исследовательских перспектив. К таковым относится, в частности, концепция «осознанного» старения Г. Муди, согласно которой людям следует не отрицать старение, а адаптироваться к нему; и в ситуации потерь и страданий возможен духовный рост [Moody, 2005]. Дж. Лян и Б. Луо критикуют концепции успешного старения за их этноцентричность и выдвигают со своей стороны теорию «гармоничного» старения, призванную отразить другие, неевропейские перспективы [Liang, Luo, 2012]. Она подразумевает единство тела и разума, а также взаимозависимость индивида и мира вместо личного успеха. В целом мы можем наблюдать три ведущих подхода к феномену успешного старения: 1) успешное старение как удобная исследовательская методология и ориентация практики, привлекающая финансирование и пропагандируемая международными организациями и властными институтами; 2) успешное старение как условное обозначение позитивных взглядов на старение; 3) в рамках критических геронтологических направлений (таких как неомарксистская, феминистская, постмодернистская геронтология) успешное старение служит отражением современных нео-

либеральных ценностей; в этом случае оно индивидуализирует и психологизирует старение и игнорирует властные отношения и структурное неравенство в обществе.

По словам Б. Шрепа, многочисленному послевоенному поколению удалось добиться существенных преобразований в системе образования и управления предприятиями и в итоге отстранить старших от власти; это поколение принесло с собой культ молодости и неприятие старости [Schrep, 2008]. Но сейчас они сами пенсионеры. Тем самым нынешние пожилые люди, прежде всего те из них, образован и относительно обеспечен, обладают различными возможностями для продолжения образования, самосовершенствования, путешествий и др. Их ожидания в отношении качества собственной жизни в данном возрасте выше, чем у предыдущих поколений. С другой стороны, они находятся под давлением культа молодости, стандартов красоты и пропаганды индустрии продуктов и услуг, направленных на замедление биологического старения. И тем не менее, учитывая современный уровень толерантности и развития самых разных культур, основы для позитивного и разнообразного старения существуют. Кто-то выбирает «элегантное» старение, а кто-то – скорее наоборот, при этом принимает свое тело и отстаивает свое право видеть в старении не физическое увядание, а духовное обогащение. Последний подход поддерживают работы таких авторов, как М. Галлетт, для которой пожилой возраст – это время нарративной свободы [Gullette, 2004], и У. Рэндалл, призывающий людей культивировать позитивную иронию (поскольку она помогает индивидам принять сложность и амбивалентность жизни и стать менее серьезными по отношению к себе и собственному концу) [Randall, 2013]. Следуя своим путем, индивид может даже стать трендсеттером (от англ. *trend* – тенденция, *set* – устанавливать, начинать).

Резюмируя, отметим, что сегодня возрастные границы и представления о молодости, зрелости и пожилом возрасте значительно расширились и размылись. В связи с этим жизненные траектории представителей разных поколений становятся все более неожиданными и зависящими от личного выбора. «Текущая» постмодернистская реальность, словно проверяя адаптивные возможности современного человека, оставляет за каждым из нас решение о том, как формировать и чем наполнять собственный жизненный сценарий.

Список литературы

- Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И.* Исследование жизненных путей в социальных науках: Темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2006. – Т. 9, № 1. – С. 15–44.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – М., 2002. – № 1. – С. 75–83.
- Бурдые П.* Структура, габитус, практика / Пер. с франц. // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 1998. – Т. 1, вып. 2. – С. 44–59.
- Ежов О.Н.* Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2005. – Т. 8, вып. 3. – С. 22–33.
- Ковалева А.И.* Концепция социализации молодежи: Норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 109–115.
- Кон И.С.* Социологическая психология. – М.; Воронеж: МПСИ: НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
- Кузьминых В.Н.* Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского; Серия «Социальные науки». – Нижний Новгород, 2008. – Т. 4, № 12. – С. 37–41.
- Солодников В.В., Солодникова И.В.* Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Мониторинг общественного мнения. – М., 2009. – № 2. – С. 199–220.
- Ageing / UN. – Mode of access: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/ageing/> (Accessed: 01.04.2019.)
- Bauman Z.* Intimations of postmodernity. – L.: Routledge, 1992. – 264 p.
- Beck U.* Risk society: Towards a new modernity. – L.: SAGE, 1992. – 260 p.
- Boudiny K.* «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool // Ageing a society. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N 6. – P. 1077–1098.
- Castells M.* The rise of the network society. – Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2012. – 597 p.
- Cumming E., Henry W.E.* Growing old: The process of disengagement. – N.Y.: Basic books, 1961. – XV, 293 p.
- Danesi M.* Forever young: The teen-aging of modern culture. – Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. – 144 p.
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. – Cambridge: Polity, 2015. – 248 p.
- Flood M.* A mid-range theory of successful aging // J. of theory construction a. testing. – Lisle (IL), 2006. – Vol. 9, N 2. – P. 35–39.
- Globalization, uncertainty and youth in society / Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – 452 p.
- Gullette M.M.* Aged by culture. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2004. – 267 p.
- Havighurst R.J.* Successful aging // The Gerontologist. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 8–13.
- Katz S., Calasanti T.* Critical perspectives on successful aging: Does it «appeal more than it illuminates»? // The Gerontologist. – Oxford, 2015. – Vol. 55, N 1. – P. 26–33.
- Laslett P.* The emergence of the third age // Ageing a society. – Cambridge, 1987. – Vol. 7, N 2. – P. 133–160.

- Liang J., Luo B.* Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // *J. of aging studies*. – Amsterdam, 2012. – Vol. 26, N 3. – P. 327–334.
- McCarthy V.L., Bockweg A.E.* The role of transcendence in a holistic view of successful aging: A concept analysis and model of transcendence in maturation and aging // *J. of holistic nursing*. – L., 2013. – Vol. 31, N 2. – P. 84–92.
- Moody H.R.* From successful aging to conscious aging // *Successful aging through the life span: Intergenerational issues in health* / Ed. by M. Wykle, P. Whitehouse, D. Morris. – N.Y.: Springer, 2005. – P. 55–68.
- Personal adjustment in old age / Cavan R.S., Burgess E.W., Havighurst R.J., Goldhamer H. – Chicago (IL): Science research associates, 1949. – XIII, 204 p.
- Pilcher J.* Where is a sociology of adulthood? – Mode of access: <https://www.janepilcher.me.uk/2012/02/where-is-a-sociology-of-adulthood/> (Accessed: 01.04.2019.)
- Randall W.* Aging, irony and wisdom: On the narrative psychology of later life // *Theory a. psychology*. – L., 2013. – Vol. 23, N 2. – P. 164–183.
- Rowe J.W.* The new gerontology // *Science*. – Wash., 1997. – Vol. 278, N 5337. – P. 367.
- Rowe J.W., Kahn R.L.* Human aging: Usual and successful // *Science*. – Wash., 1987. – Vol. 237, N 4811. – P. 143–149.
- Schrep B.* Hoffnung trotz Jugendwahn // *Aus Politik u. Zeitgeschichte*. – Bonn, 2008. – N 18/19. – S. 3–6.
- Serracant P.* The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe // *Young*. – L., 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58.
- Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America: In 5 vol. – Boston: R.G. Badger, 1918–1920.
- Tornstam L.* Gerotranscendence: A developmental theory of positive aging. – N.Y.: Springer, 2005. – XI, 213 p.
- Walker A.C.* A strategy for active ageing // *International social security rev.* – Hoboken (NJ), 2002. – Vol. 55, N 1. – P. 121–139.
- Walther A.* Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // *Young*. – L., 2006. – Vol. 2, N 14. – P. 119–139.

А.Ю. Долгов

**ТРУД И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ГЕНДЕРНЫЕ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.
(Обзор)¹**

Аннотация. В центре внимания автора – проблемы труда и трудовых отношений в современной России. Анализируются производственная культура и модели трудового поведения различных профессиональных групп российских работников, их представления о социальной справедливости в оплате труда и нормативной маскулинности.

Ключевые слова: трудовые отношения; рабочие; производственная культура; гендерный порядок; маскулинность; медицинские работники; зарплата; социальная справедливость.

A.Yu. Dolgov

**LABOUR AND LABOUR RELATIONS
IN CONTEMPORARY RUSSIA: CULTURAL CHARACTERISTICS,
GENDER AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS.
(Review)**

Abstract. The author focuses on issues of labour and labour relations in contemporary Russia, namely the industrial culture and models of labour behaviour of various professional groups of Russian workers as well as their ideas on social justice in salary / wages and on normative masculinity.

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. – № 1. – С. 31–42.

Keywords: labour relations; working people; industrial culture; gender order; masculinity; health workers; salary / wages; social justice.

В обзоре представлены публикации журнала «Мир России» (рубрика «Социальные реальности и социальные перспективы», 2016, т. 25, № 4; 2017, т. 26, № 3), в которых рассматриваются проблемы труда и трудовых отношений в современной России.

Н.В. Латова (Институт социологии РАН, Москва) анализирует специфику производственной культуры отдельных профессиональных групп российских работников, «более конкретно – производственную (организационную) культуру рабочих как особой профессиональной группы» [Латова, 2017, с. 38]. Для выявления культурных характеристик профессиональных групп автор использовала этнометрическую методику нидерландского социолога Герта Хофстеде «Модуль исследования ценностей 1994» (*Value survey module 1994, VSM 94*)¹. Хофстеде исходит из очевидного факта наличия у каждого человека определенных образцов мышления, эмоциональных переживаний и реальных действий, которые формируются в раннем детстве. Эти образцы, или ментальные программы, предопределяют культурную специфику индивида, которая проявляется в его социальных ролях и идентификациях – национальной, этнорелигиозной, половозрастной, профессиональной и т.д. Базовым уровнем выступает национальная идентичность, измерением которой и занимается этнометрия; с привлечением данной методики, отмечает Н.В. Латова, можно также изучать профессиональные группы. Исследование ментальных программ с применением инструментария *VSM 94* предполагает выделение четырех этнометрических показателей, или индексов (которые, по замечанию автора настоящей статьи, пригодны для характеристики социальных групп, но не годятся для описания индивидуальных параметров, поскольку данные показатели представляют собой среднее арифметическое по группе [Латова, 2017, с. 42]).

1. *Дистанция власти (Power distance index – PDI)* – показатель степени лояльности профессиональных групп к вертикали власти. В процессе изучения профессиональных групп в западно-

¹См.: Hofstede G. VSM 94: Values survey module 1994 manual. – Mode of access: https://slidemy.com/download/manual-vsm94_5986820ddc0d60cb7e300d26_pdf (Accessed: 11.11.2017.)